

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

В.А. Сахаров

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ И ИЗБРАННАЯ РАДА: ДИСКУССИЯ О СУДЬБАХ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье обосновывается необходимость пересмотра традиционной точки зрения на конфликт между царем Иваном Грозным и деятелями Избранной рады, выясняются способы их воздействия на молодого царя с целью превращения его в инструмент обеспечения собственных интересов. Устанавливаются политические и социально-экономические интересы, к достижению которых они стремились. Показано противодействие царя этим попыткам, его активная роль в проведении важнейших реформ 1550-х гг., объективно направленных против интересов социальных сил, представленных в Избранной раде, а также система его аргументов, направленных на обоснование самодержавной власти православного царя и его ответственности перед Богом за ее установление и осуществление. Выявляется политическая и социально-экономическая сущность конфликта, возникшего между царем и Избранной радой: стремление последней к реставрации порядков, предшествовавших образованию русского централизованного государства, и стремление царя не допустить возврата к прошлому, обеспечить поступательное развитие Российского государства и общества, соответствующее объективным законам их развития.

Ключевые слова: царь Иван Грозный, самодержавие, Избранная рада, Курбский, Адашев, Сильвестр.

The article justifies the necessity of revision of the traditional viewpoint on the conflict between the Tsar Ivan IV and the members of the Chosen council. Their impact on the young tsar and their efforts to turn him into an instrument of their own interests is also carefully examined. Their political and socio-economic goals are established. The tsars' opposition to them and his active role in the most important reforms of the 1550's, directed against the interests of the social forces represented in the Council, are demonstrated, as well as his system of arguments for the autocratic power of

Сахаров Валентин Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail:* wsaharov@mail.ru

the orthodox tsar and his responsibility before God for its setting and implementation are demonstrated. Political and socio-economic substance of the conflict between the Tsar and the Chosen council is revealed: the latter's desire for the restoration of the system that existed before the formation of the centralized Russian state, and the Tsar's unwillingness to allow the return to the past, his drive to insure the continuing development of the Russian state and society.

Key words: Tsar Ivan Terrible, absolutism, Chosen Council, Andrey Kurbskiy, Adashev, Silvester.

Целью настоящей статьи является обоснование необходимости пересмотра традиционной точки зрения на конфликт между царем Иваном IV и Избранной радой, сводящей причины его в основном к личным качествам царя, обуянного болезненным стремлением к ничем не ограниченной власти.

В историографии господствует давно возникшая и постоянно развивающаяся точка зрения на Избранную раду как политическую силу (орган, организация), вся деятельность которой как органа, осуществлявшего управление государством, так и ключевых фигур его безусловно заслуживает исключительно положительной оценки. Критическое отношение к политике Избранной рады и ее деятелям отсутствует. На ее «счет» зачисляется благотворное влияние на молодого царя Ивана Васильевича, проведение прогрессивной внутренней политики, направленной на обеспечение внутреннего мира и развития страны, а главное — разработка и осуществление ряда видных реформ начала и середины 1550-х гг. Со временем роль Избранной рады в отечественной литературе стала оцениваться все более высоко.

Проблема отношений царя Ивана Васильевича с Избранной радой до конца XIX в. рассматривалась историками весьма кратко и в основном в рамках межличностных отношений (М.Н. Карамзин¹). С.М. Соловьёв² уже не сводил конфликт к межличностным отношениям, критически относился к политической деятельности А. Адашева и попа Сильвестра и, признавая их временную близость к царю и их активную роль в делах управления, не считал возможным отдать им все лавры в деле управления государством и проведении реформ. С конца XIX в. историки больше внимание стали обращать на политическую составляющую в разногласиях царя Ивана Васильевича с А. Адашевым, попом

¹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989. С. 62—63, 65, 127—130.

² См.: Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1960. С. 435—436, 438, 440, 523—530, 534—543, 708—711.

Сильвестром, кн. А. Курбским, а также на социальную подоплеку этих разногласий — противоборство внутри феодалов (В.О. Ключевский³, С.Ф. Платонов⁴ и др.). Развиваясь в трудах историков, придерживавшихся различных исторических концепций и оценок царствования Ивана Грозного, этот общий подход к проблеме был характерен для советской историографии и сохраняет свои позиции в настоящее время. В это время отчетливо просматривается тенденция повышения внимания не только к деятельности А. Адашева и попа Сильвестра, но и проблемам, связанным с самой Избранной радой и проводимой ею политики⁵. Систематизированный анализ освещения всей проблематики Избранной рады в трудах видных отечественных историков XIX—XX вв. представлен в книге Е.М. Ельянова⁶.

При этом речь, как правило, идет не столько об Избранной раде (как государственном органе или группе лиц внутри него) и ее политике, а о политической деятельности двух главных ее персон — А. Адашева и попа Сильвестра. Последние объявлялись выдающимися политическими деятелями, их способность не только к текущему управлению государством, но и к его реформированию без каких-либо доказательств признавалась как нечто само собой разумеющееся. Они оказывались всегда правыми, лучше понимаемыми и выражавшими интересы государства и общества, а обуюнный маниакальной жадой единовластия царь Иван Васильевич — всегда неправым.

³ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1957. С. 164—171, 173.

⁴ См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории профессора Платонова. Читанные в 1898—99 учебном году на Высших женских курсах в императорском С.-Петербургском университете и в Военно-юридической академии. Выпуск II-й. СПб., 1899. С. 8—10.

⁵ См.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный: известный и неизвестный: от легенд к фактам. СПб., 2005; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времен Ивана Грозного. М., 1982; *История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1966. Т. II. С. 160—161, 177—182; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989; *Он же.* Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // *История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX в.* М., 1991. С. 150—162; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскания о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969; *Покровский М.Н.* Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 289—305; *Скрынников Р.Г.* Василий III. Иван Грозный. М., 2008; *Он же.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Т. 1, 2. Смоленск, 1996; *Он же.* Иван Грозный. М., 1975; *Он же.* Царство террора. СПб., 1992.

⁶ *Ельянов Е.М.* Иван Грозный — созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективной интерпретации истории. М., 2004. С. 53—54, 69—72, 81—84, 97—98, 103—104, 114—117, 127, 140—144, 156—159, 173—180.

При таком подходе к проблеме за рамками рассуждений оказываются разногласия царя Ивана Васильевича и деятелей Избранной рады по более фундаментальным социально-политическим и мировоззренческим проблемам, относящимся не только к организации общества и совершенствованию его государственной организации в данный исторический момент, но и о выборе целей развития, о способах достижения этих целей, о перспективах развития русского государства как **царства**. А такой подход к проблеме не только позволяет, но и вынуждает во многом по-новому взглянуть на историю отношения царя Ивана Грозного к Избранной раде и ее деятелям, иначе оценить и суть конфликта между ними, и позиции сторон в нем.

Решительный выход за рамки этой схемы, сковывающей дальнейшее исследование истории не только царствования Ивана Грозного, но и русского государства в XVI в., совершил И.Я. Фроянов. Его монография «Драма русской истории: на путях к опричнине»⁷ представляет собой наиболее фундаментальное исследование всех проблем, связанных с Избранной радой, а также ее отношений с царем Иваном Грозным. Данные проблемы рассматриваются И.Я. Фрояновым в контексте острой идеологической и политической борьбы, сопровождавшей становление и оформление Московского царства. Огромный объем использованного материала и его анализ, сопровождаемый полемикой, обеспечивают всем основным выводам И.Я. Фроянова хорошо аргументированный характер. Автор настоящей статьи их вполне разделяет. Это относится к оценке А. Адашева, попа Сильвестра и Избранной рады в целом как представителей тех социальных сил, интересы которых объективно толкали их на путь сопротивления тенденции развития русского централизованного государства, которая могла обеспечить ему существование в окружении государств, стремившихся к собственному обогащению за его счет.

Традиционная версия истории Избранной рады, а также отношений между ней и царем опирается в основном на информацию, содержащуюся в переписке царя Ивана Грозного и князя А. Курбского, тексты «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и Царственной книги. Однако в них также содержится информация, позволяющая не только поставить под сомнение эту версию и связанные с ней оценки, но и обосновать противоположные.

⁷ См.: *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: на путях к опричнине. М., 2007.

Возникновение Избранной рады, как правило, относят ко времени между 1547 и 1549 г., связывая начало ее формирования с появлением в окружения молодого царя Ивана Васильевича в 1547 г. сначала А. Адашева, а затем попа Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестра. О том, по чьей инициативе и почему А. Адашев и поп Сильвестр были приближены к нему, царь Иван Грозный говорит вполне определенно. Он Сам их приблизил, нуждаясь в людях, на которых можно было положиться как на советников, поскольку доверия к прежнему окружению у него не было: «...мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его (Адашева. — В.С.) из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу»⁸. При этом он указывал на какую-то связь, существовавшую в прошлом между кн. Курбским и А. Адашевым, благодаря которой последний — фигура, ничего не значившая при дворе⁹, — возвысился в своем положении и оказался в поле зрения царя: «Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей»¹⁰. Возможно, именно этой близостью объясняется оценка, данная им Адашеву: «благородный юноша», «очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу», «царь в то время очень любил этого Алексея и находился с ним в согласии»¹¹.

После приближения А. Адашева, пишет царь, «для совета в духовных делах и спасения своей души взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу... Так как я знал из Божественного писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам и ради совета его духовного». Царь признавал, что Сильвестру он «повиновался своей волей, а не по неведению»¹².

Однако царь ошибся в своих ожиданиях. Он писал, что Сильвестр «начал... окружать себя мирскими друзьями», «сдружился с Алексеем, и начали они советовать тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять... бояр своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам»¹³.

⁸ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 51.

⁹ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 98—99.

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. С. 51.

¹¹ Там же. С. 227.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Там же.

Князь А. Курбский подобным же образом описывает приемы морально-психологической обработки ими царя, в ходе которой решались две основные задачи: превращение его в орудие обеспечения собственных интересов и проведение, прикрываясь его именем, собственной политики. Они, писал Курбский, «укрепляют царя... Юного, воспитанного без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокого, напившегося уже всякой крови — не только животных, но и людей!»¹⁴ «С осторожностью наставляют в благочестии»¹⁵. Делалось это, по его признанию, в весьма грубой форме: «преподобный... язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями, словно бритвой, вырезал твои дурные обычаи»¹⁶. При этом он фиксирует использование коварных методов: «О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо *обманом овладел тобой*» и уточнял — «он тебя... *устрашал не истинными, но придуманными знаменами*» (курсив наш. — В.С.)¹⁷. Естественно, что А. Курбский оправдывал Сильвестра¹⁸, так как для него было важно лишь достижение главной цели — **подавление самооценки царя, его личности и воли**.

Царь Иван Васильевич подтверждал правильность этого свидетельства. Сильвестр и Адашев, писал он, «нагло утверждали», «что я слабоумен или неразумный младенец», «благодаря своей хитрости» запугивали «меня, как пугают детей». И признавал, что это им удавалось¹⁹. В этом случае появляются основания утверждать, что та ненависть, которой со временем он проникся к избранным им советникам, была плодом их собственной работы, а не морально-психологических дефектов царя. И была она естественной и оправданной.

По мере такого «покорения» молодого царя поп Сильвестр и «ангелоподобный» Алексей Адашев начали «кадровую чистку» его окружения. Курбский писал, что Сильвестр, привлекая на по-

¹⁴ Рассказы А. Курбского о зверствах царя в подростковом возрасте свидетельствуют о его безудержной фантазии. Факты его недостойного поведения в юношеском возрасте, возможно, действительно имевшие место, были, к сожалению, вполне обычны для феодального сословия Средневековья, к которому принадлежал и сам Курбский (см.: Сахаров В.А. Царь Иван Васильевич Грозный: дискуссионные вопросы истории становления личности царя // Вестн. БИТС (Башкирского института социальных технологий). Сер. «Обществ. науки. 2009. № 4 (4). С. 8—22).

¹⁵ Памятники... С. 227.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 87, 89, 221, 223, 225, 227, 229.

¹⁹ Там же. С. 69.

мощь митрополита Макария, «заклинает и изгоняет от него упомянутых жесточайших зверей... отделяет и отводит от него всю нечисть и скверну, насланную прежде сатаной». Совместная работа Адашева и Сильвестра описана им так: «Прежде всего из бывших уже с ним в согласии одних они отстраняют от него (тех, кто был особенно жесток), других обуздывают и удерживают страхом Бога живого»²⁰. Одновременно ему внушали, что царь без советников — ничто²¹. Советников надо слушаться. Убедив в этом юного царя, они стали вводить в ближайшее его окружение «советников, умных и совершенных людей... украшенных благочестием и страхом Божиим... весьма порядочных и отважных», опытных «в военных и гражданских вопросах»²².

Царь слушался их, но в итоге получилось не то, на что он рассчитывал. Советники же были довольны, поскольку, как свидетельствовал А. Курбский, *царь без них не мог «ничего ни предпринимать и ни решать», «назывались же тогда эти его советники Избранной радой»* (курсив наш. — В.С.)²³. «Своими советами» они предопределяли решение судебных дел, назначение на должности вплоть до самых высших ступеней, поощрение «движимым... и недвижимым имуществом», устранением неугодных²⁴. Ведая судом, кадровыми вопросами, поощряя угодных и наказывая неугодных, они фактически, оттеснив царя от власти, взяли на себя функции правителя. Царь мог отдыхать! Власть оказалась в руках Избранной рады! Естественно, что Курбский оценивал это время как лучшие годы царствования Ивана Грозного. Его советники — мудры, царь во всем им покорен, поэтому благочестив и велик.

Сам царь Иван Васильевич вполне согласно с Курбским описывал деятельность Избранной рады, но оценивал ее естественно иначе: «...вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии... кто нас хоть в малом послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и великая мука... а если не соглашусь — пагуба душе и разорение царству... все же, что было нам по нраву и успокаивало, то умалялось». И наоборот: «...если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — то это

²⁰ Там же. С. 227.

²¹ Там же. С. 229.

²² Там же. С. 227.

²³ Там же. С. 227, 229.

²⁴ Там же. С. 229.

хорошим считается у них... а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, — тому богатство, слава и честь... все, что было нам враждебно, умножалось»²⁵.

Не этого ожидал от своих советников Иван Васильевич, поставленный православным царем, как тогда считалось, самим Богом Отцом, который не мог ошибаться в своем выборе и решении. Естественно, что его оценка Избранной рады радикально отличалась от оценки А. Курбского. Суммируя свои упреки и выделяя политическую суть их, он так определял цель, которую преследовала Избранная рада: «...в том-то причина и суть всего вашего злобесного замысла, ибо вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом — на деле»²⁶. С горечью и сарказмом в отношении своих «советников» он констатирует: «Вот какое тогда сияло православие!»²⁷ Такова была участь молодого и неопытного царя во враждебном лично ему и его царству окружении.

Эти солидарные свидетельства кн. А. Курбского и царя Ивана Васильевича о формировании и деятельности Избранной рады важны для нас тем, что они, будучи независимыми по происхождению, взаимно подтверждают достоверность приводимых оппонентами фактов. Различия в оценках понятны и служат дополнительным аргументом достоверности их свидетельств. Это обстоятельство дает нам основание с доверием относиться и к той части информации, сообщаемой Курбским или царем Иваном Грозным, которая не получает у оппонента ни подтверждения, ни опровержения.

Итак, кн. А. Курбский и царь Иван Васильевич достаточно ясно и вполне согласно проясняют вопрос о возникновении Избранной рады, о том **кто** и **как** формировал («избирал») эту «раду». Возникает вопрос: **для чего создавали Избранную раду? Какую цель перед ней ставили? Какой политический и исторический смысл имела ее деятельность?**

Поскольку царь Иван Васильевич в это время совсем еще не был самодержцем, то, следовательно, Избранная рада не предназначалась **для ограничения самодержавной власти царя**. Поэтому ее нельзя рассматривать как предложение некоей демократической альтернативы развития русского общества и государства.

Вопрос о целях, преследуемых Избранной радой, А. Курбский сводил к стремлению предотвратить зло, *потенциально исходящее*

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же. С. 53.

от царя, с детства обремененного всяческими недостатками и не способного править как следует, т.е. к личностному фактору. Царь Иван Васильевич указывал на то, что ее деятельность вела не только к **захвату его власти, но и к реставрации порядков, существовавших в далеком уже прошлом.**

Он писал Курбскому: «...вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью»²⁸. **Кто такие «вы» и к чему** они могли **«вернуться»?** В письме Курбскому сам царь проясняет этот вопрос: «...вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю... не хотели быть под моей властью... не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня отстранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел»²⁹.

Перед нами, безусловно, акцентировка личного момента в дискуссии о том, кому должна принадлежать власть в государстве. Однако необходимо учесть, что в существовавшей тогда в России политической системе личный аспект относится к государю, облеченному царской властью, т.е. «Богом данному» **государю-царю**, являющемуся центральной фигурой общественно-политической системы и высшей, ключевой ее точкой. Отстранение его от власти не позволяло ему выполнять задачи, возложенные на него, как считалось, самим Богом. Непротивление такому злу, согласно представлениям того времени, было чревато **лично** для Ивана Васильевича самыми тяжелыми последствиями. Личный аспект в этом случае оказывается неразрывно связанным с политическим, поэтому абсолютизировать его, сводя все к борьбе за власть, означает встать на путь игнорирования политической составляющей этой дискуссии.

Поэтому критика царем деятелей Избранной рады, даже из-за его личных обид, оказывалась неразрывно связанной с двумя важнейшими политическими проблемами. Во-первых, с состоянием и перспективами социально-политического развития Московского государства и русского православного царства, во-вторых, с выяснением вопроса о сущности и характере царской власти, о ее прерогативах и границах как в связи с правами Ивана Васильевича на царство, так и вне зависимости от ее носителя, т.е. в принципиальной постановке вопроса.

²⁸ Там же. С. 51.

²⁹ Там же. С. 81.

В вопросах, относящихся к оценке состояния и перспектив развития русского государства, царь Иван Васильевич объективно выступал не только в защиту своего полученного от предков государева и царского достоинства, но и достигнутого к середине XVI в. уровня социального и политического развития России. Для него важно было не допустить попятного движения в корыстных интересах слабеющей феодальной аристократии прежней формации.

Указывая на связь захвата государевой власти Избранной радой и преследуемых ее деятелями социально-экономических целей, он писал кн. Курбскому: «И так мало-помалу это зло окрепло, и стали вам *возвращать вотчины и города, и села*, которые были *отобраны* от вас *по уложению нашего деда*, великого государя, и которым не *надлежит быть у вас*, и *те вотчины*, словно ветром разметав, *беззаконно роздали*, нарушив уложение нашего деда, и *этим привлекли к себе многих* (полужирный шрифт и курсив наш. — В.С.) людей»³⁰. Последний упрек подтверждается Курбским, писавшим о поощрении своих сторонников, превращенных в советников царя, «движимым... и недвижимым имуществом»³¹. Царь также упрекал Курбского и его единомышленников за «желание править теми городами, где вы находитесь», эта практика приводила города к «разорению»³².

Речь, таким образом, шла не только о неэффективности управления, но и о перераспределении вотчинной собственности — изъятия ее из рук государя-царя и возвращения в руки феодальной аристократии, утратившей ее в процессе объединения Русских земель московскими князьями и образования единого, централизованного русского государства. Прогрессивными эти меры Избранной рады назвать нельзя.

Благодаря солидарности в описании деятельности Избранной рады Курбским и царем Иваном Васильевичем обвинения последнего, направленные в ее адрес, невозможно принять как голословные, незаслуженные. К тому же они получают подтверждение еще от одного независимого источника — Генриха Штадена, описавшего порядки того времени в органах государственного и местного управления. Приведем наиболее важные для нас фрагменты его рассказа.

«Как эти военачальники, так и другие, им подобные, бывали правителями, воеводами или наместниками в особых об-

³⁰ Там же. С. 51.

³¹ Там же. С. 229.

³² Там же. С. 37.

ластях с городами — “уездах” и сменялись каждые два года. И все их прегрешения, преступления, постыдные дела, всякое людодержство и насилие — все, что причинили они купцам и мужикам, да и забыли! — все это выносили наружу те, кто приходили им на смену...

На **Казенном дворе** сидели... Они получали все деньги — доходы страны — из других приказов и опять пускали их из казны, каждый по своему усмотрению. Всячески *утягивали они от простонародья третью деньгу и хорошо набили свою кошну*... В **поместном приказе** сидели... Оба они хорошо набили свою кошну, ибо *им одним была приказана раздача поместий: половину нужно было у них выкупать, а кто не имел, что дать, тот ничего и не получал*... в **приказе Большой Казны**. *Деньги*, поступавшие из других городов и уездов, здесь уплачивались и *взвешивались так, что* всякий раз *1/50 часть оказывалась в утечке еще до записки*. При выплате *же из приказа не хватало уже 1/10 части*... Так эти “великие господа” добывали себе деньги <...> В **приказе**, где **прочитывались все челобитья** (возглавляемым “ангелоподобным” А. Адашевым!!! — В.С.), **пожалованные и подписанные великим князем, получал свою подписную челобитную тот, у кого были деньги**. А если какой-нибудь посадский или простой **человек** не имел денег, то не *мог он найти и управы прежде, чем не заплатит*. Только тогда челобитья подписывались и вычитывались <...> в **Посольском приказе**... проделывались *такие же штуки*, как и в других приказах <...> Таковы, коротко говоря, были знатнейшие **приказы**. В других дело шло тем же порядком <...> **Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи**.

И если кто-нибудь из них так тяжело грешил, что заслуживал смерти, то митрополит (Макарий. — В.С.) кошной [своей] мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто **разбойничал, убивал и грабил**, а потом с добром и деньгами бежал в **монастырь**, то в монастыре был он свободен от преследования, что на небе, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на **большой дороге** взял то, что принадлежало казне великого князя ...

Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. **Некоторые** [из последних] заводили, было, **опричные порядки** (!!! — В.С.), но из этого ничего не выходило. *Также повелось и при нынешнем великом князе* (полужирный шрифт и курсив наш. — В.С.)»³³.

³³ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 36—43.

Таким образом, Избранная рада, прикрываясь авторитетом управляемого ими царя, продолжала ту же деятельность, которую феодальная аристократия вела прежде, обогащая себя, и отказываться от которой она не желала. Эти усилия свидетельствуют не только о ее стремлении воспрепятствовать прогрессивным социальным тенденциям, связанными с развитием централизованного русского государства и Московского царства, но и о попытке повернуть развитие российского общества и государства вспять — к временам феодальной раздробленности. Следовательно, они были не только консервативными, но и реакционными. Для достижения желаемого результата требовалось, во-первых, ослабить центральную власть в государстве, не допустить установления царского самодержавия и, во-вторых, усилить экономические и политические позиции крупнейших семейных кланов феодальной аристократии, жаждавших исторического реванша за поражение своих предков в борьбе с московскими князьями. Используемые ими методы вполне соответствовали их целям.

Другому важнейшему политическому вопросу, вызывавшему борьбу с Избранной радой — о царской власти, — царь Иван Васильевич также уделял большое внимание, поскольку лично был заинтересован в его прояснении. Дело в том, что политическая система царского самодержавия находилась в стадии становления, процесс формирования его концепции еще не завершился. Обязанности царя, сформулированные церковными авторитетами, хотя и в общем виде, были достаточно определены. Вопрос о правах царя по отношению к подданным, к Церкви такой ясности еще не имел. В параллельно развивавшихся церковной и светской концепциях царской власти этот вопрос решался различно. Проблемы, возникшие в отношениях царя с Избранной радой, сыграли для него роль стимула, побуждавшего обратиться к разработке варианта светской концепции царской власти, опиравшейся на непререкаемый авторитет Бога Отца.

Прежде всего ему требовалось обосновать свое законное право на царскую власть, а также аргументировать правильность своего представления о ее сущности и прерогативах. Аргументируя свое право на царское достоинство, он писал Курбскому, что «Бог дает власть тому, кому захочет <...> Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По божьему изволению с рождения был я предназначен к царству... меня *отец благословил на государство*; на царском престоле и вырос»³⁴. Бог, как тогда считалось, свою волю проявил в том,

³⁴ Памятники... С. 81.

что послал Василию III, почитавшемуся в русском государстве царем, сына Ивана.

Как видно, свои личные права на самодержавную царскую власть он обосновывал не решением и благословлением руководства Русской православной церкви или волей феодальной аристократии, а принадлежностью к царскому роду и волей Бога. Так царь Иван Васильевич преодолевал покушение Церкви на контроль царской власти, не вступая в противоречие с церковной доктриной, и отводил претензии феодальной аристократии (прежде всего князей-Рюриковичей) на роль фактического соправителя государя или судьбы его деятельности. Такая постановка вопроса о праве на **царское достоинство** давала ему основание считать, что он как *Богом данный царь, обладает неотъемлемыми никем из смертных правами, необходимыми для выполнения Божией воли*, и поэтому *ответствен только перед ним*.

Иначе говоря, условием выполнения богом возложенных на него обязанностей является самодержавная власть. В данной системе взглядов преступление Избранной рады состояло в том, что она, мешая царю выполнять стоящие перед ним задачи, нарушала волю Бога. Страшнее преступления быть не могло! Царь во что бы то ни стало должен был предотвратить его, чтобы не стать его соучастником. Наиболее страшное преступление перед Богом царь Иван Грозный усматривал в деятельности попа Сильвестра, стремившегося изменить самое устройство и характер Московского царства.

Из переписки царя Ивана Васильевича с кн. Курбским, а также из приписки к основному тексту Царственной книги, автором которой считается царь Иван Грозный, можно заключить, что между ведущими фигурами Избранной рады существовало определенное разделение труда. Курбский и К° являлись вдохновителями, заказчиками ее работы, а также основными потребителями ее результатов. Вместе с Адашевым они занимались вопросами текущей политики. Сильвестр был не только воспитателем молодого царя, но и своего рода идеологом Избранной рады, что представляется естественным, так как практически вся проблематика царской власти относилась к ведению Церкви и разрабатывалась ее представителями. Именно на этом поприще он и допустил, как считал царь, свой самый тяжкий грех — прямое нарушение ясно выраженной воли Бога Отца.

В приписке к основному тексту Царственной книги говорится, что Сильвестр *«всякия дела и власти святительския и царския правяше*, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его

велению, и *всеми владыше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель* (полужирный шрифт и курсив наш. — В.С.)...». Р.Г. Скрынников, приведя эту цитату, справедливо обращает внимание на то, что «Иван IV умалчивает о правительственном значении Адашева, выдвигая на первый план фигуру Сильвестра как единоличного правителя государства», и делает вывод, что он говорит о попытке Сильвестра сосредоточить в своих руках государственную власть³⁵. С последним утверждением согласиться нельзя уже потому, что и Курбский, и царь признавали, что в определенный момент царь Иван Васильевич **уже был отстранен** от дел управления государством деятелями Избранной рады. Кроме того, в данном тексте *трижды* сказано о других властях: о **святительской и царской** власти! Р.Г. Скрынников, почему-то игнорируя это, фактически ставит знак равенства между государевым делом и царским делом. Но обязанности царя не только шире государевых, но и лежат в несколько иной плоскости. Кроме того, он умалчивает о святительском деле, отличном и от государева, и от царского.

Царь Иван Васильевич упрекает Сильвестра за **фактическое сосредоточение в своих руках двух разных типов власти**: во-первых, **царской** (а не *государевой*) власти и, во-вторых, **святительской** власти (фактически высшей в Московской митрополии). Значит, его упрек Сильвестру нельзя свести к стремлению последнего отстранить царя от государственной власти, к попытке самому «поругать» государством. Царь Иван Грозный бросает Сильвестру гораздо более серьезное и тяжелое обвинение — **стремление изменить сам принцип организации власти в Московском царстве**, поскольку он предлагал *цезаре-папизм* как принцип построения московского царства (царь — глава и светской, и церковной власти), заменить на принцип *папо-цезаризм* (глава Церкви является также главой государства). Поскольку дело касается изменения принципа организации государства, то это уже не *государственный переворот в рамках существующего государства, а переворот государства!*

Принцип папо-цезаризма лежит в основе Ватикана (Папа Римский является главой светской власти). Очевидно, эту схему сочетания церковной и светской власти Сильвестр считал более целесообразной и для Московского царства. Возможно, к таким мыслям его, выходца из Новгорода Великого, подталкивали политические традиции бывшей Новгородской республики, в которой в XV в. архиепископ Новгородский являлся ключевой фигурой

³⁵ См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 122.

в государстве (фактически был главой Совета господ и республики, ведал казной, внешней политикой, мог судить и т.д.). Связывать с этим принципом какие-либо обретаемые или упущенные возможности демократизации русского государства XVI в. не приходится. Перед Богом все — рабы, хотя и находящиеся на разных ступеньках социальной иерархической лестницы.

Отстаивая правомерность сохранения существующей системы государственной власти в Московском царстве, царь Иван Грозный прибегал к аргументам, которые находил в Библии, что было естественно для верующего. В литературе это его стремление часто оценивается как демагогический прием человека, обуянного жадной власти. В результате из системы факторов, обусловивших поведение и политику царя Ивана Васильевича, исключается важнейший из них — религиозный, определявший в то время всю систему его моральных ориентиров, ценностей и через них влиявший на его взгляды, поступки, политику. Такой подход к оценке личности царя Ивана Грозного и его политических взглядов, на наш взгляд, ошибочен.

Принципиальную установку для формирования своей концепции царской власти царь Иван Грозный (т.е. «Великий», «Божественный»³⁶) находит в тексте Библии, повествующем о решении Бога разделить царскую власть над народом («он поставил владеть ими одного царя — Моисея») и священническую власть («священствовать же приказал» Аарону). Царю Моисею была **отдана вся полнота власти**, она не была разделена между «многими управителями», т.е. **он стал самодержавным царем**. А Аарону было **запрещено «заниматься мирскими делами»**³⁷. Царю дано право властвовать над людьми, а священнику — запрещено и мечтать об этом! Таким образом, царь-самодержец не был поставлен под контроль священников, иначе говоря, Бог Отец запретил, во-первых, *организовывать царство на принципах папо-цезаризма* и, во вторых, *посягать священникам на прерогативы государя-царя*. Аарон, нарушив этот запрет вторжением в «мирские дела», «отвел людей от Бога», т.е. нанес чудовищный вред своему народу и делам Бога. В соответствии с Библией царь Иван Грозный делает вывод: «...не подобает священнослужителям братья за дела правления»³⁸.

³⁶ Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 70—71.

³⁷ Памятники... С. 35.

³⁸ Там же. С. 37.

Отметим также, что царь Иван Грозный фиксирует здесь важный для его концепции царского самодержавия факт: священнический сан не **гарантирует** его носителю нарушения воли Бога, точного следования его указаниям. Не безгрешным оказалось священничество перед Богом! Вторжение его в сферу царских полномочий приносит вред народу, поскольку за чужую вину он оказывается в положении «козла отпущения»³⁹.

Поэтому царь считал, что Сильвестр, уподобляемый в его преступлении Аарону, мог принести православному люду Московского царства самую большую опасность, какую только можно себе представить. А отвечать перед Богом за это там, на том свете, придется ему как царю. Полагаю, что вне этих представлений, которыми руководствовался царь Иван Грозный, абсолютно невозможно понять ни его поступков, ни его политики в это время и позднее, в том числе и резкое осуждение любых попыток фактического отстранения его от реальной власти (от советов и советников он не отказывался!).

Царь был лишь против того, чтобы люди Церкви (священники) входили в дела государства, а светские лица, не облеченные соответствующим доверием Бога, покушались на прерогативы самодержавного царя. В письме Курбскому он так ставит вопрос: какой вариант управления государством более логичен и соответствует интересам царства? Такой, при котором «царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников», «когда поп и лукавые рабы правят», а Богом поставленный «царь им повинуется», являясь «только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба»? Или такой, при котором «невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь», что плохого в том, что он «управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?»⁴⁰

Свою позицию в этом вопросе Иван Грозный подкрепляет также ссылкой на исторический опыт: погибали те страны, в которых «при многоначалии и многовластии... цари были послушны епархам и вельможам», «нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое *попами*», как, например, *греческими*, «погубившими царство и предавшимися (курсив наш. — В. С.)

³⁹ Отсюда мог следовать вывод: наказывать народ, если он оказался втянутым в дела противные Богу, можно и нужно. Возможно, что часть жертв опричнины из представителей Церкви и социальных низов была связана с такими представлениями и примером.

⁴⁰ Памятники... С. 37.

туркам»⁴¹. Как видно, не только в далекой библейской, но и в близкой ему истории он видел и отмечал факты предательства священниками воли и установок своего Бога. Получается, что царь, следующий установкам Бога, является более надежной опорой Богу, чем Церковь, руководители которой могут отступаться от него и предать его (Моисей не нарушал его воли, а Аарон нарушил ее). Вывод напрашивается сам собой: московский царь должен контролировать (патронировать) Русскую православную церковь, а не она его.

Этими представлениями и оценками руководствовался царь Иван Грозный, выступая против попа Сильвестра и его сторонников из Избранной рады. Поэтому он был преисполнен готовности выстраивать управление царством, врученным ему Богом, в соответствии с этими (данными им) установками. Это было естественно. «На дворе» — XVI век. Иного от православного царя в то время невозможно было ожидать.

Опираясь на текст Библии, царь Иван Грозный решал вопрос о праве карать по своему усмотрению за преступления, направленные прямо или косвенно против воли Бога. Существовавшие ограничения этого права, касавшиеся представителей боярско-княжеской аристократии и людей Церкви, опирались на традиции (казнь бояр только с разрешения Боярской думы, церковный суд) и церковную концепцию царской власти (царь подконтролен Церкви и судим ею в случае признания его царем-мучителем). Деятели Избранной рады настаивали на ограничении царской власти по примеру власти святительской (т.е. отказывали ему в праве применять смертную казнь в отношении феодальной аристократии и представителей Церкви). Царь со своей стороны обосновывал недопустимость такого ограничения и показывал несостоятельность используемой ими аргументации.

Он писал, что нельзя смешивать отшельничество, монашество, священническую власть и царское правление, поскольку методы и способы, используемые ими, сообразны стоящим перед ними задачам, которые различны. Поэтому государю-царю нельзя навязывать те методы и способы решения задач, которые использует Церковь. Этим он обосновывал, с одной стороны, неправомерность распространения правил, установленных для церковной власти, на власть царя, а с другой — никем не ограничиваемое право царя судить и наказывать любого по своей воле, объективно соответствовавшей воле Бога. Царь писал Курбскому: «Царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и

⁴¹ Там же.

обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей⁴² <...> Уразумей поэтому разницу между царской и священнической властью!»⁴³.

По мере взросления молодого царя и осознания им опасности проводимой Избранной радой политики и для него лично, и для его царства она стала встречать с его стороны все возрастающее сопротивление. Мы не знаем, когда точно, но он сам или под воздействием людей из его доверенного окружения (например, родственники жены) осознал, что у него украли власть и используют ее против него же. Представления о самодержавии царя как богоугодной и целесообразной форме правления были весьма распространены и в обществе, и в церковной среде. Кроме того, на мысли о необходимости быть не только формальным, но и фактическим правителем могли подталкивать нормы, закрепленные в Домострое, из которых следовало: советники советниками, а за грехи подвластных домочадцев отвечает перед Богом отец семейства, если он не пытался предотвратить их. Царь — живой Бог — почитался отцом по отношению к своим православным подданным.

Осознание царем Иваном Васильевичем этой своей ответственности должно было подталкивать его к возвращению утраченной власти и найти свое отражение в действиях, во-первых, самостоятельных и, во-вторых, объективно направленных против интересов социально-политических сил, представленных в Избранной раде. Такие действия проявились у него уже в начале 1550-х гг. В 1551 г. был принят ряд новых положений, ограничивавших право суздальских и ряда других князей распоряжаться собственными вотчинами, которые вряд ли можно оценить как выгодные княжеской аристократии, представленной в Избранной раде⁴⁴. Являются ли они проявлением освобождения царя от их влияния? Возможно. Известно, что ко времени своей болезни (весна 1553 г.) царь относил не начало конфликта с Избранной радой, а уже ее усиление⁴⁵. Он сам утверждал, что ко времени покорения Казанского и Астраханского ханств Избранная рада

⁴² Так было сформулировано положение, которое легло в основу одного из важнейших условий согласия Ивана Васильевича вернуться к исполнению функций государя (и царя): «...своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя клас-ти, а иных казнити и животы их и статки имати» (Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1906. С. 394).

⁴³ Памятники... С. 37.

⁴⁴ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 104, 105.

⁴⁵ Памятники... С. 81, 83.

утратила прежнее влияние и значение⁴⁶. Об этом же свидетельствует и история подготовки и проведения земской реформы в 1555—1556 гг., заинтересованность царя в которой очевидна, а заинтересованность деятелей Избранной рады — сомнительна.

Реформы середины 1550-х гг. являются одним важнейших событий царствования Ивана Грозного. Их подготовку и проведение, как правило, связывают с Избранной радой, прежде всего с деятельностью А. Адашева. Царь, оказывается в это время был хорош уже тем, что не мешал последнему в этом благом деле. Проведенный Р.Г. Скрынниковым анализ истории подготовки отмены кормлений (точнее, упорядочения, регламентации их) в ходе земской реформы (1555—1556 гг.) привел его к выводу, что подобная картина не соответствует действительности. Он отметил, что инициатива проведения реформ исходила от царя Ивана Грозного, а Адашев был простым исполнителем его воли: сначала была выражена «воля самодержца», «облеченная» либо в устное распоряжение, либо «в форму законодательного акта». «Адашеву достаточно было получить устное “царское повеление”, чтобы начать дело», «при проведении реформы Адашев следовал царским предначертаниям». Зафиксировал он и активную роль Боярской думы⁴⁷. Р.Г. Скрынников практически лишает Адашева лавров главного реформатора этого времени: он, получающий указания от царя, решавшего проблемы с Боярской думой, принимает их к исполнению, руководствуясь царскими распоряжениями. Он выполняет важные функции. Но не более того. Р.Г. Скрынников также обращает внимание на свидетельство А. Курбского, писавшего, что Адашев в это время был «“царев” “согласен” (следовал его предначертаниям и “повелениям”»⁴⁸. Иначе говоря, Адашев был согласен с царем, а не царь соглашался с предложениями Адашева. **Ясно, кто в доме хозяин!**

Для нас важно отметить, что отмена кормлений была прямо направлена против того положения дел, которое царь Иван Грозный в письме Курбскому связывал с деятельностью Избранной рады (управление городами, «где вы находитесь», ведет к их «разорению»)⁴⁹. С учетом этого упрека невозможно всерьез принять утверждение, что инициатива отмены кормлений исходила от Избранной рады. То же можно сказать и о других принимавшихся в это время мерах, направленных на установление нового или бóльшего порядка в вопросах обеспечения дворян землей

⁴⁶ Там же. С. 63.

⁴⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 102—103.

⁴⁸ Там же. С. 120.

⁴⁹ Памятники... С. 37.

и несением ими службы⁵⁰. Злоупотребления властью со стороны кормленщиков и руководителей приказов могли скорее настроить дворян и население городов против них лично, чем против царя. Следовательно, он от этих реформ должен был выигрывать больше, чем Избранная рада и социально-политические силы, стоявшие за ней.

Игнорирование активной роли царя Ивана Грозного в подготовке и проведении этих реформ и отнесение их почти исключительно на счет Избранной рады приводит, по нашему мнению, к серьезному искажению как представлений о самом царе и его деятельности в этот период, так и о деятельности Избранной рады, а также о связи этих реформ с последующим периодом, связанным с опричниной. Периоды Избранной рады и опричнины в его царствовании обычно противопоставляются как антиподы. История конфликта царя с Избранной радой проливает свет на существующие причинно-следственные связи между ними. Практическая деятельность Избранной рады, ее последствия, с одной стороны, борьба царя с ней, очевидно, трудная и длительная, с неизбежностью подводили его к выводу о необходимости использования чрезвычайных мер управления, принявших форму опричнины⁵¹. В этом случае опричнина оказывается отнюдь не плодом морально-психологических дефектов царя, как ее часто представляют. Она предстает закономерным результатом кризиса развития российского общества и государства, связанного с трудностями перехода к новой, более высокой фазе феодальных отношений.

Завершался длительный процесс становления огромного русского государства, выраставшего в процессе объединения княжеств, управлявшихся как собственное хозяйство князей. Формировались представления о княжеской (вотчинной) и государственной собственности, о различном их предназначении и использовании в интересах и государя, и государства. Менялась социальная структура феодального класса, в быстрорастущем дворянстве и распространяющейся поместной системе государь получал новые, более надежные точки опоры для своей власти. Это вело к изменению баланса сил между ним и прежней феодальной аристократией. Царское достоинство было сопряжено с необходимостью для государя, его обладателя, проявлять заботу не только о близких ему социальных верхах общества, но

⁵⁰ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 103—104.

⁵¹ Сказанное, конечно, не исключает других причин введения опричнины в том числе измены воевод, смерть царицы Анастасии, влияния царицы Марии и др.

и о его социальных низах. Такая задача, поставленная именем Бога⁵², требовала от царя подняться над своим прежним узким, княжеским интересом и увидеть свой интерес как государственный, а государственный воспринимать как свой. Очевидно, отсюда берет свое начало социальная политика московских государей-царей. Это позволяло ему шире взглянуть на мир и на себя в этом мире. Царь выигрывал от этого, поэтому ему было проще переходить от старых порядков к новым. Те же социальные силы (старая феодальная аристократия), для которых укрепление централизованного государства и позиций царя в нем означало окончательную утрату прежних позиций в обществе и государстве, как могли сопротивлялись новым прогрессивным тенденциям. Их можно понять. Нужно ли их оправдывать и идеализировать как борцов с деспотией? Не думаю.

Подведем итоги и сделаем выводы.

Целевая установка и практическая деятельность царя Ивана Грозного вели к усилению русского централизованного государства благодаря установлению царского самодержавия. Объективно они учитывали историческое своеобразие социально-экономического и политического развития русского государства, общества и народа.

Целевая установка и практическая деятельность **Избранной рады**, наоборот, вели к ослаблению русского централизованного государства, к демонтажу формирующегося Московского царства, к реставрации государственного устройства и социально-политической практики позднего этапа периода феодальной раздробленности. Они соответствовали интересам находящихся в глубоком кризисе кланов феодальной аристократии прежней эпохи, стремившихся к историческому реваншу. Следовательно, они вступали в конфликт с объективными законами истории и закономерностями развития своего народа, общества и государства.

Последствия подобного движения вспять, как и их трагические социально-экономические и политические последствия для народов в мировой истории хорошо известны. Их необходимо учитывать при разработке проблем учреждения царем Иваном Грозным опричнины и перехода к опричной политике. Возни-

⁵² Чин венчания великим князем и царем Дмитрия Ивановича в 1498 г.: «...воззри от святости Твоей на верного раба Твоего Дмитрия, которого Ты избрал возвысить царем над святыми Твоими народами... да судит он народ в правде, и да дарует правду бедным, и да сохранит сыновей бедных, и да наследует затем царствие небесное» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 80—81).

кающая в этой связи проблема «социальной цены», которую обществу, с одной стороны, пришлось бы заплатить за реализацию Избранной рады, а, с другой стороны, которую оно заплатило за реализацию программы царя Ивана Грозного, выходит за рамки данной темы. Однако отметим, что ее решение связано со следующим выбором:

— либо предельное напряжение всего общества в процессе политического подавления реакционных сил ради обеспечения движения страны в направлении, объективно соответствующего прогрессивной тенденции развития общества и государства;

— либо политически менее напряженное движение вспять, к порядкам, более отвечающим интересам части феодальной аристократии, платой за которое неизбежно стали бы тяжелый кризис общества, ослабление государства и как следствие — поражения в войнах, возможная утрата части территории, независимости. В итоге — безвременная гибель части населения, значительно большей всех жертв опричнины. Никогда слабеющий и утрачивающий свою организованность народ не избегал подобной участи, если его трудовые ресурсы или земля, на которой он жил, представляла хоть какой-то интерес для его более сильных соседей.

Политическую программу царя Ивана Грозного нельзя сводить к опричнине, хотя и органично вписанной в нее, но вызванной к жизни чрезвычайными обстоятельствами. Взятая в целом, его политическая программа являлась исторически прогрессивной, а потому предпочтительней для страны, чем программа Избранной рады, которая могла на длительное время погрузить Россию в пучину междоусобных войн и затруднить ее развитие.

Время Избранной рады стало последней фазой «боярского правления», «последней контратакой» социальных и политических сил, желавших возвращения к прежним социально-политическим порядкам, свойственным для позднего этапа феодальной раздробленности⁵³. Пресек эту попытку царь Иван Грозный с помощью опричнины, идеологическая подготовка которой во многом стимулировалась деятельностью Избранной рады.

Благодаря чрезвычайным политическим мерам (опричнина как своеобразная антикризисная система управления государством), вынужденно принятым царем Иваном Грозным в условиях развивавшегося тяжелого политического кризиса власти, была

⁵³ Сказанное, конечно, не означает, что деятельность Избранной рады следует оценивать исключительно негативно, но и идеализировать ее, игнорировать объективную направленность ее деятельности, тоже нельзя.

предотвращена своего рода «феодалная контрреволюция» и обеспечена возможность поступательного развития России в направлении, совпадающем с основной тенденцией социально-экономического и политического развития человечества.

Полагаю, что именно в предотвращении такой перспективы развития русского государства и общества состоит неоценимая историческая заслуга царя Ивана Васильевича Грозного перед Россией, искупающая все его ошибки и все тяготы, которые во время его царствования легли на плечи наших далеких предков. Недаром русский народ в своих исторических преданиях сохранил о нем память как о царе суровом, но справедливом, ассоциировавшем свои интересы с ним, а не с его врагами.

Список литературы

Альшиц Д.Н. Иван Грозный: известный и неизвестный: от легенд к фактам. СПб., 2005.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Ельянов Е.М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективной интерпретации истории. М., 2004.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1957.

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.

Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 150—162.

Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскания о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969.

Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Л., 1983.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории профессора Платонова. Читанные в 1898—99 учебном году на Высших женских курсах в императорском С.-Петербургском университете и в Военно-юридической академии. Выпуск II. СПб., 1899.

Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1906.

Сахаров В.А. Царь Иван Васильевич Грозный: Дискуссионные вопросы истории становления личности царя // Вестн. БИТС (Башкир-

ского института социальных технологий). Сер. Обществ. науки. 2009. № 4 (4). С. 8—22.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Смоленск, 1996.

Скрынников Р.Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1960.

Фроянов И.Я. Драма русской истории: На путях к опричнине. М., 2007.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.